

Игорь Бауэршима

NORWAY.TODAY

Перевод с немецкого

Аллы Рыбиковой

МЮНХЕН

2002

*В воздухе ещё висит «see you in another world” из NURSE WITH WOUND и тишина. Белый шорох.*

*Появляется Юля. На ней майка с надписью **julie@home.shirt.***

ЮЛЯ. Привет. Я - Юля. И это мои первые слова в данном месте. Если моё сообщение почему-либо неподходяще, прошу меня извинить. Впрочем, сообщение это только для тех, кто хочет покончить с собой. Поэтому прошу тех, кто не собирается расставаться с жизнью, не обращать на меня больше никакого внимания и лучше ненадолго покинуть этот chat-room.

ЮЛЯ. Скоро я - и решение это отнюдь не скоропалительное – покончу жизнь самоубийством. Я долго думала об этом. Решение принято. Но, даже если это и звучит несколько странно, я хочу совершить это с кем-нибудь вместе. Поэтому вот мой вопрос: не хочет ли кто-нибудь отправиться на тот свет вместе со мной? Не надо ничего говорить сейчас. Мне абсолютно понятно, если здесь никто открыто ... я не собираюсь никому портить настроения. Smile. Обычно человеку хочется жить так долго, пока он не заметит, что никого уже больше нет, и он совсем один, и всегда был один. Я хочу сказать, что кто-то один из находящихся здесь переживёт всех остальных. Большинство находится в плену у неких смыслополагающих, жизнеобразующих умственных коструктов. Эмоциональная зависимость, чувство ответственности? Да? – Нет. Погоня за успехом, тяга к размножению, мания удовольствий и другие реакционные потребности. Ладно. Но все вы всё-таки здесь, потому что... Рано или поздно уйдете из жизни. Вот так вот.

ЮЛЯ. Ну, так вот, приветствуются все всерьёз данные ответы. Вы, конечно, можете ответить мне по мэйлу, мы это организуем. Smile.

ЮЛЯ. Потому как, знаете, вы наверное уже заметили: я не вписываюсь в людское общество, даже тех, кто устал от жизни. Это печальная истина, но всё же истина. Если мне и не уютно среди людей, то происходит это, потому как не другие, а я не проявляю себя, как мне бы хотелось.

Необходимость исполнять роль, внутренне сопротивляясь этому, делает для меня любое общество в тягость, а легко мне лишь в своём собственном обществе, потому как там я могу быть настоящей.. А с людьми это невозможно, и такие все...

ЮЛЯ. Не надо на меня обижаться. Просто я сейчас делаю вид, что вас здесь нет.

*Появляется Август. На нём майка с надписью **august@home.shirt.***

АВГУСТ. Ну, в общем, если никто ничего говорить не хочет, тогда, может, я скажу. Потому что... В общем, меня зовут Август и...И не спрашивайте почему. Не знаю. Я тут не при чём.

.....

АВГУСТ. Вообще-то я никогда не мог себе представить, что смогу вписаться в жизнь. В целом. Не знаю, как это у других. Но всё, что происходит в жизни, по большей части не в дугу, абсолютно. Я имею в виду не смешно, а именно просто не в дугу.... Бывают, конечно, моменты. Например, если я один, и бегу вперёд, и слышу дыхание моё и бег, и кровь сильно стучит у в ушах. Но я же не всегда бегаю. Невозможно, к сожалению, всё время бегать. Цель – почти что не быть здесь. То бишь нигде. Быть везде в отсутствии. Это значит - быть в жизни. Так, почти без моего присутствия, можно было бы ещё вытерпеть. И вот говорят же: « в жизни», «по жизни», в этом что-то есть.

АВГУСТ. Но вся штука в том, что по большей части всё выключено. И я тоже. И не слышно ни звука.

АВГУСТ. Так только, некий шумок. Не знаю, так ли у других тоже, как говориться. Понятия не имею. Может, я болен. Но слышать я это не могу: «Дорогой, ты болен.» Короче, когда к тебе обращается этакое дурацкое создание, с такой идиотской улыбкой и говорит: «Вам надо выздороветь, тогда увидите...» - хочется просто свалить. Кто они такие эти сверхсоздания, которые могут говорить нам: «То, как ты считаешь, оно есть, не есть на самом деле. Оно есть так, как мы считаем». Знаете, что я имею в виду. А имею я в виду, что то, как я думаю, оно есть, не есть на самом деле, - это я и сам могу догадаться. Но откуда кто-то может знать, что оно так и есть, как он думает? Это же кошмарная ложь. Всё – лицемерие. Каждый делает вид, что он нечто, являясь при этом чем-то совсем другим. Как же он может тогда знать, как оно есть? Да никак. Самое истинное ощущение, какое у меня есть, ощущение «ничто» и «никак». Вот я беру сейчас, например, стул и поднимаю его вверх... он это и делает. Ладно. Он поднимается вверх. И всё же есть в этом некая странная неопределённость. И я не знаю, действительно ли он поднялся вверх или только сделал вид. Действительно ли истинное истинно. Если же я отпущу его, тогда он... может быть... нет, он упадёт вниз. Хотя – и в этом всё дело – он, может, только сделает вид, что упадёт, чтобы только нас успокоить. Всё - имитация. Короче, это же видно, что всё – ничто. Конечно, тут, в chat-room, находится время от времени кое-кто, кто выскажется отчасти против этого. Напрасно. Большинство юзеров наблюдают в расслабухе, там во вне, и вынуждены время от времени покусывать себя, чтобы хоть как-то изобразить некое подобие жизнерадостности. Потому как для ухода большинство всё же трусоваты. Лучше потянуть ещё один круг. Может, всё-таки произойдёт что-нибудь настоящее. Ничего здесь настоящего не произойдёт. Вот представьте себе: сейчас мы все вместе уйдём с Юлей. Все. Может, это и было бы настоящее! Мы все вскрыем себе вены. Друг дружке.....

АВГУСТ. Всё-таки вы все пришли сюда, потому что вам всё осточертело. Всё. Это потенциал. Это может быть уже началом. Школой.

.....  
АВГУСТ. Самый подходящий момент, если кто-нибудь бы тут окочурился. И то, что Юля здесь сказала «я ухожу», я считаю здорово.

ЮЛЯ. Спасибо.

---

АВГУСТ. Я не просто так это говорю.

ЮЛЯ. Ну, ясно.

АВГУСТ. Признак жизни.

ЮЛЯ. О кей.

.....  
ЮЛЯ. Это что, была насмешка?

АВГУСТ. Что?

ЮЛЯ. Признак жизни.

АВГУСТ. Нет. Да. Нет. А то иначе бы здесь всё совсем увяло.

ЮЛЯ. Да. Может быть.

АВГУСТ. Не известно даже, кто вообще здесь находится. В этой тишине. Если вдруг кто-то скажет «я ухожу», я, по крайней мере, буду знать, что кто-то здесь всё же был.

ЮЛЯ. Users come, users go. Юзера пришли – юзера ушли...

.....  
ЮЛЯ. Но я же здесь.

АВГУСТ. Да.

ЮЛЯ. И ты, очевидно, тоже.

АВГУСТ. Да-да. И ты, короче, хочешь умереть?  
ЮЛЯ. А я и умру. Да.  
АВГУСТ. Я тоже собираюсь.  
ЮЛЯ. Да?  
АВГУСТ. Да.  
ЮЛЯ. И, думаешь, скоро?  
АВГУСТ. Да.  
ЮЛЯ. Серьёзно?  
АВГУСТ. То есть?  
ЮЛЯ. Действительно, думаешь?  
АВГУСТ. Действительно?  
ЮЛЯ. Оборвёшь все связи?  
АВГУСТ. Связи?  
ЮЛЯ. С жизнью. И вообще.  
АВГУСТ. Ну, да. Ясно дело. Тут, как говорится, и обрывать-то нечего.  
ЮЛЯ. Ага.  
АВГУСТ. Из такого дерьма, как тут, хочется выйти. Easy. Хоть сегодня вечером, если надо.  
ЮЛЯ. Но здесь же всё это не совсем. Я же имею в виду уйти совсем.  
АВГУСТ. Ну, да.  
ЮЛЯ. Совсем, совсем.  
АВГУСТ. Не отключиться, выйдя из сети, или уснуть или что-то в этом роде.  
ЮЛЯ. Именно.  
АВГУСТ. Я и собираюсь.  
ЮЛЯ. Ты болен или что?  
АВГУСТ. Нет. Да. Не знаю. Ну. Я ж говорю...  
ЮЛЯ. А я не больна.  
АВГУСТ. Вот как. Ага. Н-да.  
.....  
ЮЛЯ. Слушай-ка, мне неохота тут вечно торчать. Некогда мне.  
.....  
АВГУСТ. Скажи-ка, и как же ты выглядишь?  
ЮЛЯ. Что значит, выгляжу?  
АВГУСТ. Скажи, как ты выглядишь.  
ЮЛЯ. Как Натали Вуд. Как Натали Вуд перед тем, как утопиться.  
АВГУСТ. А кто это, Натали Вуд?  
ЮЛЯ. Актриса. Она захлебнулась.  
АВГУСТ. Вон что.  
.....  
АВГУСТ. Опиши мне, как ты выглядишь.  
ЮЛЯ. Волосы тёмные.  
АВГУСТ. Это мне нравится.  
ЮЛЯ. Девяносто процентов людей темноволосые.  
АВГУСТ. Да? Ага. Это мне нравится.  
ЮЛЯ. Вуд перед тем как утопиться – это психическое состояние. Она играла в «Бунтовщике без идеала». Ко всему прочему никто ничего не знает, и уж тем более, как она тогда выглядела, перед тем, как захлебнуться. А если кто-то и знает, то, значит, он ей в этом помогал, и я могу тут утверждать всё, что угодно. Натали Вуд – обалденная звезда, а смерть её – загадка.  
АВГУСТ. Да я уверен, она прекрасно выглядела перед тем, как захлебнуться. Представляю: жизнь у неё была собачья, актёрская. Вечно полное дерьмо. Фальшивые стены, фальшивые полы, фальшивые люди, ничего настоящего, и вечно тебе все вчиняют, что тебе надо делать. Не возможно выдержать. Просто вздохнуть не дадут. Мне кажется, когда она поняла, что сейчас захлебнётся, вот тут-то она по-настоящему вздохнула. По-актёрски. То есть... нет, серьёзно. В этом есть что-то освобождающее.  
ЮЛЯ. Да.  
АВГУСТ. Но захлебнуться что-то не обязательно хочется.

ЮЛЯ. Нет. Не обязательно  
АВГУСТ. И как же ты хочешь?  
ЮЛЯ. Вдвоём.  
АВГУСТ. Но как?  
ЮЛЯ. Здесь я не могу сказать. Только «в случае того, если»... Здесь наверняка найдутся добренькие, которым только дай возможность кого-нибудь да что-нибудь спасти. Одно могу сказать: дело это абсолютно твёрдое. Билет в одну сторону.  
АВГУСТ. Тогда возьми меня с собой.  
ЮЛЯ. Сколько тебе лет?  
АВГУСТ. Да какая разница!  
ЮЛЯ. Никакой.  
АВГУСТ. Вот именно.  
ЮЛЯ. Так сколько?  
АВГУСТ. Девятнадцать.  
ЮЛЯ. Не пойдёт.  
АВГУСТ. А чего?  
ЮЛЯЯЯ. Не хочу иметь дело с новичками.  
АВГУСТ. Да я не новичок.  
ЮЛЯЯ. Ты что, уже уходил из жизни? Или пытался?  
АВГУСТ. Нет. Да. Ну, ясное дело.  
ЮЛЯ. Ну и?  
АВГУСТ. Не получилось.  
ЮЛЯ. Ясное дело - новичок.  
АВГУСТ. Минуточку. Ты, между прочим, тоже ещё живёшь  
ЮЛЯ. Да. Я ещё и не пробовала. И не буду пробовать. Я сделаю. Люди, которые пробуют чуть-чуть, а потом на сострадании играют, не для меня.  
АВГУСТ. Минуточку. Я пытался по-настоящему. У меня шрам на лице. Я из кровати выпал, новорождённым. Ринулся вниз. То был мой первый рефлекс. С тех пор, как себя помню, я думаю о том, как себя убить. Серьёзно. Я, например, хотел на мотоцикле врезаться в опору моста... Чтобы выглядело как несчастный случай и никого бы не мучила совесть.  
ЮЛЯ. Ну и?  
АВГУСТ. Что, ну и?  
ЮЛЯ. Как там с опорой моста?  
АВГУСТ. Это было в теории. Как вариант. Ну, не знаю... У меня всё равно прав-то нет.  
ЮЛЯ. А здесь всё натурально...  
АВГУСТ. Да. Знаю. По тебе слышно.  
ЮЛЯ. Что?  
АВГУСТ. Что здесь всё натурально.  
ЮЛЯ. В натуре?  
АВГУСТ. В натуре.  
АВГУСТ. Эй!  
ЮЛЯ. Да. У тебя есть фото?  
АВГУСТ. Фото? Какое фото?  
ЮЛЯ. Фото. Посмотреть.  
АВГУСТ. Да.  
ЮЛЯ. Покажи.  
ЮЛЯ. Это ты?  
АВГУСТ. Да.  
ЮЛЯ. Этого-то я и опасалась.  
АВГУСТ. Чего?  
ЮЛЯ. Что ты – красавчик.  
АВГУСТ. То есть?  
ЮЛЯ. Мечта девиц.  
АВГУСТ. Чуть собачья! Свою лучше покажи.

ЮЛЯ. Вот.  
АВГУСТ. В натуре?  
ЮЛЯ. Что?  
АВГУСТ. Классно смотришься.  
ЮЛЯ. Спасибо.  
АВГУСТ. Я хочу отправиться с тобой.  
ЮЛЯ. Минуточку. У меня вопрос. Если ответишь правильно, я подумаю.  
АВГУСТ. Это что, серьезно?  
ЮЛЯ. Я ж тебя не знаю. Может, ты извращенец какой.  
АВГУСТ. Конечно. Smile.  
ЮЛЯ. Так и есть?  
АВГУСТ. Нет. Smile.  
ЮЛЯ. Если все остальные там желают что-нибудь подсказать, пожалуйста. Итак, готов? Разум. Что сие такое?  
АВГУСТ. Что?  
ЮЛЯ. Да.  
АВГУСТ. Да?  
ЮЛЯ. В этом и вопрос. Подумай.  
АВГУСТ. Разум? Что есть разум? Большой разум. Да всем известно.  
АВГУСТ. Ну, не знаю, для каждого по-разному. Я вот, например, считаю разумным покончить с собой, а другой нет. Был же какой-то философ, он себя хоть и не убил, однако установил, что глаза у нас, чтобы не видеть, а уши, чтобы не слышать. Как уж его звали? В общем, он говорил, что разум полагается на глаза, что не видят, и на уши, что не слышат. И поэтому разум – образование неразумное. Довольно-таки известен в мире. Какой-то один из великих. Как-то его звали... Не знаю...  
ЮЛЯ. Если хочешь, я возьму тебя с собой.  
ЮЛЯ. Так что?  
АВГУСТ. Да.  
ЮЛЯ. Ну, так будешь? Вместе сделаем?  
АВГУСТ. Да!  
ЮЛЯ. Нет, я, правда, хочу знать.  
АВГУСТ. Да.  
ЮЛЯ. Не ожидала, что так скоро получится.  
ЮЛЯ. И ты это серьёзно...  
АВГУСТ. Да.  
ЮЛЯ. Абсолютно серьёзно? Не фуффло?  
АВГУСТ. Точняк.  
ЮЛЯ. Правда, всерьёз?  
АВГУСТ. Чтоб мне тут разперефакаться!  
ЮЛЯ. Я что, счастлива сейчас, или как?  
АВГУСТ. Не знаю.  
ЮЛЯ. Ну, предположим, вот как раз счастлива.  
ЮЛЯ. Ты мне сейчас должен кое-что пообещать.  
АВГУСТ. И что же?  
ЮЛЯ. Пообещай, что ты никому ничего не скажешь. Что мы собираемся сделать, ты не должен рассказывать. Ни родителям, ни друзьям, ни подруге – никому... Мы уйдём и не скажем никому куда.  
АВГУСТ. Ладно.  
ЮЛЯ. Поклянись! Поклянись, что никому ничего не скажешь.  
АВГУСТ. Ну, ясно.  
ЮЛЯ. Скажи: клянусь, что никому ничего не скажу.  
АВГУСТ. Клянусь, что никому ничего не скажу.  
ЮЛЯ. И чтоб мне всю жизнь пусто было, если проболтаюсь.  
АВГУСТ. И чтоб мне всю жизнь пусто было, если проболтаюсь.

ЮЛЯ. Смерти - долгая лета.  
АВГУСТ. Смерти - долгая лета.  
ЮЛЯ. Аминь.  
АВГУСТ. Аминь.  
ЮЛЯ. Нам нужно время.  
АВГУСТ. Время?  
ЮЛЯ. И поесть.  
АВГУСТ. Поесть?  
ЮЛЯ. Пиво.  
АВГУСТ. Я бутерброды сделаю.  
ЮЛЯ. И одежду потеплее. По ночам минус сколько-то. Холодно, во всяком случае.  
АВГУСТ. А куда мы направимся?  
ЮЛЯ. В снега.  
АВГУСТ. Замерзать?  
ЮЛЯ. Track me down. Когда выйдешь ко мне на homepage, погоди немного, чтоб никто за тобой не увязался. Тут я тебя и заберу. Smile, народ!  
АВГУСТ. Smile.

*Перемена на „Wouldn't it be nice“ BEACH BOYS.*

*День. Идёт непрерывный снег. В глубине сцены обрыв в никуда. Край света. Нагруженные тяжёлыми рюкзаками парочка выходит на плато. Они останавливаются, оглядывая белую размытую панораму. Наконец, они сбрасывают поклажу в снег. АВГУСТ решает сделать пару шагов в сторону пропасти. Поскользнувшись, падает и возвращается назад.*

АВГУСТ. Скользко.  
АВГУСТ. Красиво тут.  
ЮЛЯ. Ты находишь?  
АВГУСТ. Эта река...  
ЮЛЯ. Это фьорд.  
АВГУСТ. Огромный! Откуда вся эта вода?  
АВГУСТ. Что?  
ЮЛЯ. Фьорд это. Море. Это -- море.  
АВГУСТ. Ну, а всё-таки.  
АВГУСТ. И что?  
ЮЛЯ. Что?  
АВГУСТ. Да, что?  
ЮЛЯ. А что должно быть?  
Август. Что ты молчишь?  
АВГУСТ. Нет, что-то не то.  
ЮЛЯ. Да нет.

.....  
АВГУСТ. Я говорю: здесь красиво, а ты молчишь. Нет, что-то не так.  
ЮЛЯ. Ах!

.....  
АВГУСТ. Ты же можешь мне сказать , в чём дело.  
ЮЛЯ. **Ни в чём.**  
АВГУСТ. Ты что, боишься?  
ЮЛЯ. Что?  
АВГУСТ. Ну. Не знаю. Всё же может быть.  
АВГУСТ. А куда он ведёт, фьорд этот? Ведёт куда-нибудь?  
АВГУСТ. Я считаю, тут красиво.  
ЮЛЯ. А ты не можешь просто помолчать?  
АВГУСТ. Почему?  
ЮЛЯ. Потому что ты всё время говоришь ни о чём .

АВГУСТ. Я говорю: красиво здесь.

ЮЛЯ. Это ни о чём. Ни о чём.

АВГУСТ. Ах!

АВГУСТ. Сколько ты ещё будешь молчать?

ЮЛЯ. Вечность. Я буду молчать вечность.

АВГУСТ. Уже сейчас?

ЮЛЯ. И сейчас тоже.

АВГУСТ. Вечность.

ЮЛЯ. Да.

АВГУСТ. Кажется, для этого я слишком замёрз.

.....

АВГУСТ. На холоде невозможно вечно молчать. Во всяком случае, не долго.

.....

ЮЛЯ. Вообще-то ты мелкий остряк.

АВГУСТ. То есть?

ЮЛЯ. Ты, наверное, в школе клоуном был, классным? Шутник Август!

АВГУСТ. Нет.

ЮЛЯ. Значит, сейчас навёрстываешь, быстренько?

.....

АВГУСТ. Ты и, правда, неприятна.

ЮЛЯ. А тебя, и правда, зовут Август?

АВГУСТ. Август.

ЮЛЯ. Это не твоё настоящее имя.

АВГУСТ. Да нет, такое уж мне дали. При рождении.

ЮЛЯ. Ты назвался в chat-room Августом, потому что меня зовут Юля.

АВГУСТ. Юля...Юль...Июль...А я и не заметил. Нет, правда. Обалдеть. Июль. Но для июля ты несколько холодновата.

ЮЛЯ. Ну, ладно. Но я всё равно не поверю, что тебя так зовут. Ни за что.

.....

АВГУСТ. Скажи, пожалуйста, а почему ты, собственно, не захотела сделать это одна?

.....

АВГУСТ. В такси ты не сказала ни слова. И до того тоже. Я не знаю.

ЮЛЯ. **Я не обязана всё время говорить.** Понимаешь? Или нет?

АВГУСТ. Да нет, понимаю. Мне тоже не обязательно говорить всё время. Просто сейчас у меня настрой такой. Ощущение, что что-то не так. И почему ты не говоришь мне об этом?

ЮЛЯ. Что такое? Мы стоим тут на краю пропасти. В безлюдье. Здесь никто не живёт и не задаёт себе вопросов. Посредине всего. На грани, за которой сначала долго ничего нет, а потом наступает море. А в нём рыбы, и они голодны. Вот так вот.

АВГУСТ. Если хочешь, мы можем и помолчать. Нет ничего замечательнее, чем молчание вдвоём. Кроме молчания наедине с собой, наверное. Я, конечно, мог бы убить себя и в одиночку, но то, что ты не годишься для людского общества, что только в одиночестве ты можешь быть самой собой, - это мне понравилось. Именно так и у меня тоже

ЮЛЯ. И ты никому не сказал, что мы здесь?

АВГУСТ. Нет. А что?

ЮЛЯ. Просто хотела увериться.

АВГУСТ. Всё равно никто не знает, где мы. Я сказал, что поживу у товарища пару дней. Только послезавтра они начнут искать. Но уж точно не здесь. А ты?

ЮЛЯ. Меня никто искать не будет.

АВГУСТ. Не знаю. Но могу себе представить, что кто-нибудь тебя искать всё-таки будет.

ЮЛЯ. Что ты имеешь в виду?

АВГУСТ. Ну... Посмотри на себя. Я даже представить себе не могу, что тебя никто не будет искать. Таких, как ты, ищут тысячи... Десятки тысяч.

ЮЛЯ. Так точно, ищут...

АВГУСТ. Нет. Правда. Миллионы ищут таких. Таких вот печальных, слегка испорченных.

.....

АВГУСТ. Я, практически, не могу смотреть туда, вниз.

ЮЛЯ. Ну и не смотри.

АВГУСТ. Мне и сейчас кажется. Я спрыгну вниз в таком вот месте. И всегда казалось. У тебя тоже так?

ЮЛЯ. Да.

АВГУСТ. Но так высоко я ещё не забирался.

ЮЛЯ. Шестьсот метров.

АВГУСТ. Я посмотрел в интернете: средняя скорость одетого человека в свободном падении – между 190 и 205 км в час, то есть 55 м в секунду. Тогда это будет... Шестьсот... В общем вместе с моментом ускорения десять секунд падения.

ЮЛЯ. Да, примерно.

АВГУСТ. А ты уже просчитала, да? А что ты будешь делать в эти десять секунд?

ЮЛЯ. Падать.

АВГУСТ. Ах!

ЮЛЯ. И умирать.

АВГУСТ. И всё?

ЮЛЯ. Десять секунд умирания. Я просто стану уходить, и ничего не будет больше, всё ещё будет и одновременно ничего уже не будет. Ни одной вещи, ни одного события на свете, - ничего, что меня как-то касалось бы.. Ты отдал всё: свою радость и печаль, ненависть и любовь, свой мерзкий характер и ответственность за старый хлам. Совсем всё. И ты совершенно холоден ко всему. Наш континент производит в день сорок миллионов тонн дерьма, но всё это уже не твоя проблема. Каждая мысль излишня. Каждое действие невозможно. Всё осталось позади. Ни за что больше не отвечаешь, даже дышать больше не надо. Ты свободен больше абсолютно ничего не делать. Бесконечная абсолютная свобода. Ты – Бог, и Бог ничего не делает. Твоё восприятие истинно на несколько секунд, но возврата нет, и нет «за» и «против».

.....

ЮЛЯ. А потом тебя нет.

АВГУСТ. А твоя память? Что ты сделаешь со своей памятью? Ты же не можешь всё просто так позабыть.

ЮЛЯ. Отнюдь. Ты должен покончить со всем ещё до того

АВГУСТ. Покончить.

ЮЛЯ. Да. Надо сконцентрироваться на моменте.

АВГУСТ. На моменте, да?

ЮЛЯ. Если ты, конечно, не хочешь умереть, не заметив того. Но всю жизнь идти к одному этому моменту и потом пропустить его – это, по-моему, самое глупое, что можно себе представить

АВГУСТ. Я всегда надеялся, что не пропущу короткий момент жизни, когда он возникнет..

ЮЛЯ. Это одно и то же.

*АВГУСТ считает до десяти.*

АВГУСТ. Я думал сначала: падая, буду думать только об одном – вот оно! вот оно! вот оно! вот оно! Я думал, это будет моя последняя мысль. «Вот» и «оно». Абсолютно пустая мысль. Которая ничего не значит. Совершенно пустая, но какая-то очень подходящая. Но боюсь, на десять секунд её не хватит, и прямо перед концом я быстренько подумаю ещё о чём-нибудь ненужном и не подходящем, например: «Ты думаешь – вот оно! – потому что так настроился, а при этом отец купил тебе апельсиновое мороженое, тогда, в луна-парке, когда тебе четыре года было». Бум!

ЮЛЯ. Апельсиновое?

АВГУСТ. Это я только что придумал.

ЮЛЯ. А тебе отец не покупал апельсиновое мороженое?

АВГУСТ. Да... Не знаю. Да нет, конечно. Но я наверняка в эти десять секунд не буду думать «вот оно!»». Ни за что. Сейчас я наверняка десятую долю секунды потрачу на апельсиновое мороженое. Даже в самые напряжённые и удивительные ситуации моей жизни я не смогу прожить без нарушения концентрации. Я ничего не могу принимать всерьёз и надолго.

ЮЛЯ. Если ничего не принимать всерьёз, приходится постоянно лгать.

АВГУСТ. Да, но все лгут. И про всё. Даже «вот оно!» звучит как ложь, чем дольше я об этом думаю. Потому мне и не надо ни на чём долго концентрироваться. Единственное, что постоянно и прочно, - это скука. Её я воспринимаю всерьёз. Скуку.

ЮЛЯ. А я не выношу скуку.

АВГУСТ. А её следовало бы принимать всерьёз. Она – везде. Всё мироздание скучает смертельно, всё замедляется. Музыка, диджей, машины, планеты, элементарные частицы. Всё расслабляется. Всеобщая расслабуха. В один прекрасный день Луна свалится на Землю. Я как-то слышал. Из-за гравитации. Потому что Земля засасывает, и Луна теряет свои обороты. У моего отца тоже уже не хватает оборотов. Крутится вокруг матери. Всё засасывает. Всё мироздание засасывает и расщепляется, становясь однообразным, скучным, холодным и мёртвым. Chill-out. Расслабуха. Где-то как-то я читал: «Большой взрыв был ударом по твердолобой глупости. Мироздание стало порождением осознания самонедостаточности». Это я запомнил. Не знаю, что оно значит, но сказано точно. В тон. Короче, десять секунд падения – слишком много, чтобы она не прекратилась, скука. Даже если тебя больше ничто не касается, в твоём мозгу вспыхивают воспоминания о каких-то бессмысленных вещах и событиях. И вспоминается прохладный вечер на озере, и солнышко по мху, и запах на даче, или как у тебя зуб болел, или ребёнок в припадке эпилепсии, и твой велосипед в сарае, и эскалатор, на котором ты впервые целовался, и ты осознаёшь, до чего же ты был глуп, лжив, мелок и отвратителен, что ничего не смог по-настоящему сотворить со всем и вся, и охватывает тогда тебя самая долгая из всех сук. Десять секунд – это вечность. Спрашивается, не стоит ли нам прыгнуть где-нибудь пониже.

ЮЛЯ. У тебя подружка есть?

АВГУСТ. Нет.

ЮЛЯ. Не удивительно.

АВГУСТ. Серьёзно?

ЮЛЯ. Меня депрессия охватывает, если я тебя долго слушаю.

АВГУСТ. А ты разве вообще не в депрессии?

ЮЛЯ. Нет.

АВГУСТ. Нет?

ЮЛЯ. Что?

АВГУСТ. Ты не в депрессии?

ЮЛЯ. Нет.

АВГУСТ. А в чём же?

ЮЛЯ. В норме. Я – счастлива.

АВГУСТ. Ты что, разыгрываешь тут меня?

ЮЛЯ. Нет.

АВГУСТ. Не понимаю.

ЮЛЯ. У меня склонность быть счастливой.

АВГУСТ. Ага. Конечно. И это нормально.

ЮЛЯ. Я и говорю.

АВГУСТ. Я имею в виду: склонность такая нормальна. Но не для самоубийц. Их же тянет скорее к пропасти, бездне и т.д. К страхам и ужасам.

ЮЛЯ. Ага.

АВГУСТ. Не понимаю.

ЮЛЯ. Депрессия не стоит того. Это глупо, оно мешает и вообще скучно. И совершенно ничего не даёт. Вообще ничего. Даже самоубийце не даёт ничего. Самоубийцы в депрессии – тряпки.

АВГУСТ. Но почему же ты тогда хочешь убить себя?

ЮЛЯ. Ты что, совсем дурак?

АВГУСТ. А что?

ЮЛЯ. Что ты на меня выпятился? Я же тебе сказала, что мне всё осточертело. Остохренело. Обрыдло. Надоело. Хватит. Не стану начинать всё сначала.

АВГУСТ. Не надо орать. А то разбудишь зверей от зимней спячки. А тут медведи есть?

ЮЛЯ. Да.

АВГУСТ. Вот чёрт!

.....

АВГУСТ. А ты мне так и не ответила, почему не стала делать это в одиночку.

ЮЛЯ. Потому... потому что в сравнении с затратами не стоит. А должно стоить. Хочу наполненности жизни, по-настоящему, до конца. Жить в одиночку патетично, и умирать тоже. Не хочу сгинуть, скуля в каком-нибудь уголке. И к тому же, в одиночку я бы, может, никогда не стала этого делать.

АВГУСТ. А что ты имеешь в виду под «стоит»?

ЮЛЯ. Хочу что-то с этого поиметь. Хочу знать, как это оно, когда кто-то сейчас умрёт. По телевизору я видела, как они расстреливают людей, в замедленной съёмке, и вообще. Но телевизор – это дерьмо. А при замедленной съёмке вовсе не лучше видно, видно только лучше, что не видно ничего.

АВГУСТ. Ты хочешь увидеть, как умирает другой.

ЮЛЯ. Да.

АВГУСТ. То есть как я умираю.

ЮЛЯ. Да.

АВГУСТ. Ты совсем сбрендила. Нет, ты ж больная. С хорошим приветом.

ЮЛЯ. Ах.

АВГУСТ. Может, наркотики или что-то в этом роде?

ЮЛЯ. Ты тащишься со мной через пол-Европы, чтобы постоять тут со мной в снегах. И тебе хорошо. Да? Посмотри на себя. Это что, нормально? По крайней мере, я знаю, что делаю. А ты знаешь? Где ты? Почему ты там, где ты есть?

АВГУСТ. Понятия не имею.

ЮЛЯ. Ты на краю пропасти. Очутился на другом конце своей непрожитой жизни, мой милый.

АВГУСТ. А может, я здесь не для того, чтобы убить себя, милая моя.

ЮЛЯ. Откуда мне знать, почему ты здесь?

АВГУСТ. Вот именно, откуда тебе знать, почему я здесь.

ЮЛЯ. Что, туману напустить собираешься?

АВГУСТ. А что если я скажу тебе, что не стану этого делать? Просто потому что и не собирался никогда? Потому что поехал просто из любопытства!

ЮЛЯ. Знаешь, почему это неправда? Потому что ты в штаны наложил. Ты прям трясся весь, там в такси. Я думала: предашь нас. Водитель всё поглядывал на твои руки. Я всё видела. Ты боишься.

АВГУСТ. Мне холодно было. И сейчас ещё холодно. А с тех пор, как я стою тут и слушаю тебя, мне ещё холоднее.

ЮЛЯ. Ты боишься.

АВГУСТ. Я не знаю тебя. Не знаю, кто ты есть, и вообще.

ЮЛЯ. Да какая разница. Я вообще ничем не отличаюсь от всех девчонок, которых ты знаешь.

Можешь проецировать в меня всё, что хочешь. У меня даже косметика с собой кое-какая есть, чтоб тебе легче было.

АВГУСТ. В тебя проецировать?

ЮЛЯ. Да. Представь себе, что я твоя мать или что-то в этом роде.

Откуда мне знать, какие у тебя заскоки.

АВГУСТ. Ты совсем сошла с катушек. И чего я только тут делаю?

ЮЛЯ. Нюни распускаешь. Мы только что прибыли сюда. И это тебе не пикник. Я оплачиваю тебе перелёт, а ты нюни распускаешь.

АВГУСТ. Да ничего я не распускаю, чёрт побери! Я не знаю тебя.

ЮЛЯ. Да не важно! Мы желаем одного и того же. Хотим здесь покончить жизнь самоубийством.

АВГУСТ. Я не доверяю тебе. И не верю. Не понимаю тебя. Ты даже не в депрессии. Почему хочешь убить себя? – Не знаю. Ты не говоришь со мной. Во всяком случае, честно не говоришь. Что мы тут, в цирке или где? Почему ты не говоришь со мной по-человечески? Что ты всё притворяешься? Я же вот не притворяюсь.

ЮЛЯ. Если оно и звучит несколько неестественно, так это оттого, что я себя заставляю разговаривать, чтоб поддержать твой настрой. Как есть, так и есть.

АВГУСТ. Да, давай выскажемся, как оно есть. Это правильно.

ЮЛЯ. Потому что ты меня принуждаешь изображать перед тобой некие беседы.

АВГУСТ. Минуточку. Ты же хотела взять кого-то с собой. И не хотела прибыть суда в одиночестве. Хотела увидеть, как выглядит другой перед лицом смерти. Вот и поимела. Так вот выглядит тот, кто собирается умереть. У него как раз словесный понос. Вот дерьмо!

ЮЛЯ. Понос дерьмом.

АВГУСТ. Да. И это тоже. Возможно.

ЮЛЯ. «Перед лицом смерти». И откуда ты только берёшь такое дурацкое?

.....

ЮЛЯ. Ты что, реветь собрался?

АВГУСТ. Нет.

ЮЛЯ. Сейчас захнычешь.

АВГУСТ. Нет.

ЮЛЯ. Ой, люди, держите, сейчас захнычет.

АВГУСТ. Какие люди?

ЮЛЯ. Да это выражение такое. «Он хнычет, люди».

АВГУСТ. Не знаю такого.

ЮЛЯ. Вот, пожалуйста. Можешь на старости лет чему-нибудь и научиться.

АВГУСТ. А что оно значит-то, это выражение?

ЮЛЯ. «Я удивлён, что ты захныкал».

АВГУСТ. Я не хнычу.

ЮЛЯ. Я имею в виду твоё выражение...

АВГУСТ. Моё выражение?

ЮЛЯ. «Он хнычет, люди».

АВГУСТ. Что ты там болтаешь? Проклятье, просто я оглядываюсь вокруг. А не хнычу. И смотрю на проклятую речку. На воду. На лёд.

ЮЛЯ. И хнычешь.

АВГУСТ. Ну и что? Это что, запрещено или как?

ЮЛЯ. Нет.

АВГУСТ. Нет.

ЮЛЯ. А ты уверял, что не хнычешь.

АВГУСТ. Потому... Потому что... Блин! В чём хочу, в том и уверяю. Никому ничем не обязан. Что хочу, то и говорю. Если уж мне суждено уйти, вот здесь вот, то уж я могу себя вести, как захочу. Могу стоять на ушах, как хочу, и вообще, могу позволить себе любую поблажку на свете и говорить всё, что ещё никогда не говорил. Блин.

ЮЛЯ. Это ты уже говорил.

АВГУСТ. Нет, я умру со смеху. Правда.

ЮЛЯ. погоди. Ты говоришь: «Если уж мне суждено уйти»...

АВГУСТ. Да. Ну и что?

ЮЛЯ. Странно звучит.

АВГУСТ. Да?

ЮЛЯ. Да. Словно ты этого больше не хочешь.

АВГУСТ. Чего?

ЮЛЯ. Уйти.

АВГУСТ. Я больше уже ничего не хочу.

ЮЛЯ. Минуточку. Это ты должен хотеть – уйти.

АВГУСТ. Ладно. Наплевать. Я больше и знать не хочу, чего я хочу. Тогда, значит, я и хочу...

ЮЛЯ. Просто у меня было ощущение...

АВГУСТ. А я и ощущений не хочу.

ЮЛЯ. У нас договорённость.

АВГУСТ. Да. Знаю.

ЮЛЯ. Я должна быть уверена. У нас договорённость.

АВГУСТ. Да.

ЮЛЯ. Договорились о чём?

АВГУСТ. Возврата нет.

ЮЛЯ. А если кто-то больше не захочет?

АВГУСТ. Да, я знаю...

ЮЛЯ. Ну так вот.

АВГУСТ. А я всё равно говорю тут, что хочу. И делаю, что хочу.

*Август быстро делает то, что хочет.*

ЮЛЯ. Ты что делаешь?

АВГУСТ. Делаю, что хочу.

*Юля решается приблизиться к краю скалы.*

ЮЛЯ. Пойди сюда.

АВГУСТ. Зачем?

ЮЛЯ. Пойди сюда.

АВГУСТ. Зачем?

ЮЛЯ. Взглянуть.

АВГУСТ. Ничего и видеть не хочу.

ЮЛЯ. Боишься?

АВГУСТ. Нет.

ЮЛЯ. Тогда подойди.

АВГУСТ. Не подойду. Там скользко. Как раз там, где ты стоишь, скользко.

ЮЛЯ. Испытание на прочность.

АВГУСТ. Не надо мне сейчас никаких испытаний.

ЮЛЯ. Да не могу я смотреть вниз, если меня никто не держит, чёрт подери.

.....

ЮЛЯ. Там ужасно глубоко, и я понятия не имею, что произойдёт, если я туда буду смотреть.

АВГУСТ. Я думал, ты уже была тут с родителями.

ЮЛЯ. Я тогда маленькая была.

АВГУСТ. И тогда ты не смотрела вниз?

ЮЛЯ. Смотрела. Но папа держал меня.

АВГУСТ. А теперь его тут нет.

ЮЛЯ. Нет. Теперь нет.

.....

ЮЛЯ. Ну, так что, подойдёшь?

*Август решается и подползает на четвереньках к Юле. Вдвоём они ползут в сторону края обрыва.*

АВГУСТ. Но без глупостей, о кей?

ЮЛЯ. Да тебе не надо смотреть вниз. Держи меня только, за ноги.

.....

АВГУСТ. Кант! Кант его зовут.

ЮЛЯ. Кого?

АВГУСТ. Философа.

ЮЛЯ. Какого философа?

АВГУСТ. Ну, который про глаза и про уши. Который сказал, что они ни на что не годятся.

ЮЛЯ. Ты отвлекаешься.

### ***Перемена сцен.***

*Перед нами уступ скалы. Далеко вверху белое небо. У верхушки скалы появляется голова Юли.*

АВГУСТ. (за сценой) И что? Что ты видишь?

.....

АВГУСТ. (за сценой) Ну, скажи же. Что там?

.....

АВГУСТ. (за сценой) Как оно выглядит?

ЮЛЯ. Что оно?

АВГУСТ. (за сценой) То, что видишь.

ЮЛЯ. Сам посмотри.

АВГУСТ. (за сценой) На что?

.....

АВГУСТ. *(за сценой)* Ты что, не можешь сказать?

ЮЛЯ. Не знаю.

АВГУСТ. *(за сценой)* Нет? Что ты видишь?

ЮЛЯ. Не знаю, что ты хочешь услышать. Вижу задницу Новой Зеландии. Что вижу, что вижу... Да ничего не вижу. Проклятую бесконечную пропасть я вижу.

АВГУСТ. *(за сценой)* А совсем внизу, что там?

ЮЛЯ. Внизу - темнота. Может, что и есть. Не знаю. Вероятно, преисподняя или вроде того.

АВГУСТ. *(за сценой)* Ты хочешь сказать, что не видишь земли?

ЮЛЯ. Не вижу. Вон там выглядывает что-то. Нам надо дальше вперёд. Прыгать надо дальше вперёд.

АВГУСТ. *(за сценой)* Выпирает что-то?

ЮЛЯ. Ага.

АВГУСТ. *(за сценой)* И как далеко выпирает?

ЮЛЯ. Да прилично. Нам надо далеко за.

АВГУСТ. *(за сценой)* А если об это шмякнуться, не достаточно будет?

ЮЛЯ. Не знаю. Нет. Может, у тебя что-нибудь оттяпается, и ты дальше полетишь. А рука твоя будет висеть там и тебе помахать какое-то время.

АВГУСТ. *(за сценой)* И земли не видишь?

ЮЛЯ. Да сам посмотри.

АВГУСТ. *(за сценой)* Да я с ума сойду.

*Появляется голова Августа.*

АВГУСТ. Не могу смотреть вниз.

ЮЛЯ. Тогда не смотри.

АВГУСТ. У меня всё кружится.

ЮЛЯ. Тогда смотри в сторону.

АВГУСТ. Блин.

ЮЛЯ. Чего ещё?

АВГУСТ. Зачем мы это делаем?

ЮЛЯ. Ну что-то же ты должен делать.

АВГУСТ. Ага.

.....

АВГУСТ. Думаешь, кто-то до нас уже это тут проделал?

ЮЛЯ. Голову даю на отсечение.

АВГУСТ. Ну, и почему же?

ЮЛЯ. Ты же не думаешь, что мы тут открытие делаем или что-то вроде того?

АВГУСТ. Нет.

ЮЛЯ. Можешь быть спокоен: это уже было. Так или иначе, но в целом довольно похожее.

АВГУСТ. Я имею в виду, в таком раскладе: вдвоём и т.п.

ЮЛЯ. Вдвоём, поодиночке... Как обезьяны, лемминги. Да всё уже было. Но теперь уже всё одно. Я для себя делаю. А не для других. Я тут не цирк разыгрываю.

АВГУСТ. Конечно.

ЮЛЯ. И делаю это впервые. Я ещё никогда не кончала с собой.

АВГУСТ. Конечно.

ЮЛЯ. И это чего-то стоит. Абсолютно неповторимо. Оно возвышает происходящее надо всем, что уже было. Я ещё никогда такого не делала. И уже потихоньку пора.

АВГУСТ. Как? Сейчас?

ЮЛЯ. Да.

АВГУСТ. Минуточку. Сейчас вот?

ЮЛЯ. Да.

АВГУСТ. Но...

ЮЛЯ. Что?

АВГУСТ. Но я...

ЮЛЯ. Что?

АВГУСТ. Ты... Я... У нас тут всё с собой... Еда, палатка.

ЮЛЯ. Ну и что?

АВГУСТ. И я подумал: мы сначала выспимся.

ЮЛЯ. Выспимся?

АВГУСТ. Да.

ЮЛЯ. Словом, тебе надо ещё раз подумать?

АВГУСТ. Нет-нет... нет. Не надо.

ЮЛЯ. Ну, так-то.

АВГУСТ. Но... нет, погоди-ка. Прямо сейчас, это же... Я хотел ещё кое-что написать и...

ЮЛЯ. Давай.

АВГУСТ. Минуточку.

ЮЛЯ. Давай. Встаём.

*Юля встаёт.*

ЮЛЯ. Давай. За дело.

АВГУСТ. Нет, погоди. Я и встать не могу, свалюсь сейчас вниз.

ЮЛЯ. А это мысль. Давай.

АВГУСТ. Погоди, погоди, пусти меня.

ЮЛЯ. Давай-давай. Я уже хочу покончить с этим. Хочу вниз. Вперёд!

АВГУСТ. Минуточку, я ещё хотел...

ЮЛЯ. Чего?

АВГУСТ. Я хотел...

ЮЛЯ. Выспаться, да?

АВГУСТ. Нет. Да.

ЮЛЯ. Поспать сможешь вволю, когда концы отдашь. Давай, мы прыгаем!

АВГУСТ. Нет!

ЮЛЯ. Вперёд!

АВГУСТ. Пусти меня!

*Юля хватается за руку Августа. Начинается борьба в обхват. Во время схватки оба много раз чуть не падают с обрыва.*

АВГУСТ. Пусти!

ЮЛЯ. Трус!

АВГУСТ. Пусти! Сейчас же отпусти меня!

ЮЛЯ. Нет.

АВГУСТ. Пусти!

ЮЛЯ. У нас уговор.

АВГУСТ. Пусти, чёрт побери! Мы свалимся вниз.

ЮЛЯ. Да.

АВГУСТ. Так мы не договаривались!

ЮЛЯ. Нет, договаривались.

АВГУСТ. Пусть!

ЮЛЯ. Если не прыгнешь, я тебе помогу.

АВГУСТ. Пусти!

ЮЛЯ. Нет.

АВГУСТ. Если я туда свалюсь, станешь убийцей.

ЮЛЯ. Да я за тобой прыгну, болван ты этакий.

АВГУСТ. Не хочу!

ЮЛЯ. Что?

АВГУСТ. Не хочу я.

ЮЛЯ. Нет прыгнешь...

АВГУСТ. Если не прекратишь...

ЮЛЯ. Что? Что?

АВГУСТ. Я убью тебя, чёрт побери.

ЮЛЯ. Классно!

*Юля спотыкается и падает. Одной рукой ей удаётся ухватиться за край выступа скалы. Сама она повисла над пропастью.*

ЮЛЯ. Я не выберусь. Помоги мне.

АВГУСТ. *(за сценой)* Ты просто... ты просто больная! Я же мог свалиться вниз!

ЮЛЯ. Ну и что! Весело зато. Помоги мне.

АВГУСТ. *(за сценой)* Погоди. У меня есть песенка для тебя.

ЮЛЯ. Помоги мне. Проклятье. Мне... очень жаль. Это было глупо с моей стороны.

АВГУСТ. *(за сценой)* Минуточку, сейчас будет!

ЮЛЯ. Я только пошутила. И никогда не столкнула бы вниз.

Правда. Помоги мне, чёрт возьми. Представь себе, что я свалюсь. Что ты будешь делать? Я больше не могу держаться. На помощь! Проклятье.

*Август появляется с магнитофоном в руках и пытается его включить.*

АВГУСТ. Послушай. Знаешь это? Диск моего брата.

ЮЛЯ. Помоги мне вылезти, ты, чучело!

АВГУСТ. Ш-ш-ш...Погоди. Как он тут включается?

ЮЛЯ. Если ты мне не поможешь, я свалюсь вниз.

АВГУСТ. Ну и что?

ЮЛЯ. И... буду на твоей совести. А ты этого не хочешь.

АВГУСТ. Не включается, штука эта.

ЮЛЯ. На помощь!

АВГУСТ. А сколько мы, кстати, ехали на такси?

ЮЛЯ. Помоги мне.

АВГУСТ. Думаешь, нас услышат?

ЮЛЯ. Нет.

АВГУСТ. Нет. Никто не услышит. За сорок километров не услышит никто.

ЮЛЯ. Помоги выбраться.

АВГУСТ. Можешь кричать сколько угодно, никто не услышит.

ЮЛЯ. Точно.

АВГУСТ. Давай.

ЮЛЯ. Что?

АВГУСТ. Кричи.

ЮЛЯ. Помоги мне.

АВГУСТ. Громче.

ЮЛЯ. Сам ори, сволочь.

АВГУСТ. А мне без надобности.

ЮЛЯ. Мне тоже.

АВГУСТ. Нет?

ЮЛЯ. Нет.

АВГУСТ. Я бы на твоём месте немного побоялся бы.

ЮЛЯ. Почему?

АВГУСТ. Потому что ты меня не знаешь.

ЮЛЯ. Ну и что?

АВГУСТ. Потому что ты не знаешь, кто я есть. Может, я на головку болен, абсолютно. Погоди, там, в песне, кажется так: тум-тум, тум-тум, тум-тум...

ЮЛЯ. Ух, злобный, злобный тип.

АВГУСТ. А что мне за то будет, если я не дам тебе свалиться? И что мне с того, если я этого не сделаю?

ЮЛЯ. Не знаю. Вытащи меня. Я больше не могу.

АВГУСТ. А что мне с того будет?

ЮЛЯ. Помоги мне, чёрт возьми!

АВГУСТ. Что мне за это будет?

ЮЛЯ. Что захочешь.

АВГУСТ. Что захочу?

ЮЛЯ. Да.

АВГУСТ. А если я ничего не хочу?

ЮЛЯ. Если ничего не хочешь, ничего и не получишь. Тащи, давай.

*Август вытаскивает Юлю. Оба, измученные, садятся у края обрыва.*

АВГУСТ. Ты хотела меня убить.

.....

АВГУСТ. Так ведь.

ЮЛЯ. У тебя не все дома.

АВГУСТ. Хотела увидеть, как я падаю вниз.

*Оба заглядывают в пропасть. Юля медленно берёт Августа за руку.*

ЮЛЯ. Я хотела...

АВГУСТ. Да пошла ты на...

ЮЛЯ. Сам пошёл туда же.

АВГУСТ. Fuck you.

ЮЛЯ. Да что ты говоришь.

АВГУСТ. Ты, чёрт побери, хотела убить меня, там.

ЮЛЯ. Обалдел что ли!

АВГУСТ. По меньшей мере убить хотела.

ЮЛЯ. Курам на смех.

АВГУСТ. Наверняка опять прыщи появятся. От такого шока.

ЮЛЯ. Прыщи? И ты о прыщах думаешь? Сейчас?

АВГУСТ. Ага.

ЮЛЯ. Невероятно.

АВГУСТ. Ничего не поделаешь, У меня всегда глупости в голове.

ЮЛЯ. О прыщах он думает.

АВГУСТ. Ты с кем говоришь-то?

*Юля поднимается.*

ЮЛЯ. Мы палатку хотели поставить. Стемнеет скоро. Ещё полчаса, и здесь опять станет темно. Здесь всегда темно зимой.

### ***Перемена сцен.***

*Там же, где сцена 2. Но стемнело. Перед нами слабоосвещённая палатка. Перед ней стоит Август, устремив взгляд в небо.*

АВГУСТ. Там на небе только что что-то было.

ЮЛЯ. *(голос)* Что?

АВГУСТ. Свет. Только что на небе.

*Из палатки появляется Юля.*

ЮЛЯ. Где?

АВГУСТ. Везде. Стало по-настоящему светло. Вдруг.

ЮЛЯ. Свет?

АВГУСТ. Да.

ЮЛЯ. Везде?

АВГУСТ. Да.

ЮЛЯ. Вроде как освещение?

АВГУСТ. Да. Не знаю. Я вот стоял тут и вверх смотрел, на звёзды. И тут я это увидел. Вдруг.

ЮЛЯ. Ну и?

АВГУСТ. Что «ну и»? Жутко стало.

ЮЛЯ. И что он тебе сказал, свет этот?

АВГУСТ. Дурёха.

ЮЛЯ. Серьёзно?

АВГУСТ. Да. Это было огромно.

.....

ЮЛЯ. Ну, тогда ладно. Мне холодно. *(Исчезает в палатке.)*

*Мощный световой поток охватывает ночное небо.*

АВГУСТ. Вот! Вот! Опять! Везде! Видишь? Вот оно!

*Появляется Юля.*

ЮЛЯ. Северное сияние! Это же Северное сияние!.. Камера где?

*Опять исчезает в палатке. Возвращается с видеокамерой и снимает завораживающее зрелище.*

ЮЛЯ. Сейчас! Вот оно! Вот! Северное сияние!..

АВГУСТ. Ты уже видела это раньше?

ЮЛЯ. Нет. Никогда.

АВГУСТ. Ты же здесь выросла, неподалёку.

ЮЛЯ. Раз в пятьдесят лет увидишь тут Северное сияние. Поэтому и не видела.

АВГУСТ. Редко.

ЮЛЯ. Здесь не место для Северных сияний. Я не знаю никого, кто бы видел здесь хоть раз. Слишком далеко к югу.

*Свет опять меркнет.*

АВГУСТ. Пропало.

*Юля направляет камеру на Августа.*

ЮЛЯ. Скажи что-нибудь.

АВГУСТ. А какого размера Северное сияние?

.....

АВГУСТ. Да ладно. Это что касается размеров сияния. Очень большое. Но если оно такое большое, то должно, значит, быть видно ото всюду. Но почему никто его не видит? Ты не знаешь никого, кто бы уже видел, и я не знаю тоже. Ведь вот полмира одновременно может видеть Луну. Но если Северное сияние столь огромно, как оно выглядит, его тоже должно видеть полмира. Ну, или чуть меньше, но всё же очень многие. Так ведь?

*Юля выключает камеру.*

ЮЛЯ. До чего же ты хорош!

АВГУСТ. Покажи. Покажи, вышло ли что-нибудь. Может, подобный свет и снять-то нельзя!

*Август проматывает кассету назад.*

АВГУСТ. Может, сияния эти совсем маленькие. Нечто вроде галлюцинаций, о чём и говорить-то никому нельзя. Может, и сияют-то они только перед нашими лицами. Вроде домашнего видео. Для личного пользования.

*Август прогоняет кассету, И пока оба смотрят на маленький контрольный экранчик, позади них на небе появляется то же самое зрелище.*

АВГУСТ. Вот оно!

ЮЛЯ. Ну очень уж маленьким оно не кажется.

АВГУСТ. Но всё равно на видео оно не такое.

ЮЛЯ. Выглядит, как какие-то помехи. Вроде как инопланетные.

АВГУСТ. Это вроде как самое прекрасное, что я видел за многие годы. Представь себе, что мы какие-нибудь пещерные люди.

ЮЛЯ. Мы бы в штаны наделали от страха, что какие-нибудь боги взяли нас за шиворот.

АВГУСТ. Ага, а штаны у них уже были?

ЮЛЯ. Не знаю. А вот шиворот – наверняка.

АВГУСТ. Не знаю. И ты думаешь, боги у них тоже были?

ЮЛЯ. Ну, ясно. Как раз сияния такие вот. Каждые пятьдесят лет появлялся некий Бог в виде Северного сияния и махал им слегка ручкой. Этим они потом и жили.

ЮЛЯ. В пещере.

АВГУСТ. Ага.

*Картинка позади обоих перемещается в направлении Августа. Мы ещё раз видим Августа, говорящего «А какого размера Северное сияние?»*

ЮЛЯ. Какого размера Северное сияние. Классно.

АВГУСТ. Я выгляжу по-идиотски. Полное дерьмо.

*Камера выключается. Ночное небо.*

ЮЛЯ. Я вела себя ужасно с тобой.

АВГУСТ. Что?

ЮЛЯ. Мне очень жаль. Я вела себя ужасно с тобой. Сегодня. Тебе не надо верить тому, что я говорю, особенно перед тем, как мне себя убить. В такой момент любой не честен.

АВГУСТ. Да?

ЮЛЯ. Да. Ты мне нравишься.

*Юля. Нежно целует его в висок.*

АВГУСТ. Почему ты это сделала?

ЮЛЯ. Захотелось.

АВГУСТ. У тебя мягкие губы.

ЮЛЯ. Знаешь... ты можешь мне доверять.

АВГУСТ. Ты мне тоже нравишься.

*Юля забирает у него камеру, начинает снимать его. Мы видим Августа в проекции ближней съёмки.*

ЮЛЯ. Скажи ещё раз.

АВГУСТ. Что?

ЮЛЯ. То, что только что сказал. Ещё раз.

АВГУСТ. Не могу.

ЮЛЯ. Ты сказал кое-что другое.

АВГУСТ. Я не могу сказать это ещё раз.

ЮЛЯ. Никогда больше?

АВГУСТ. Дай сюда.

*Август берёт камеру и снимает Юлю.*

ЮЛЯ. Послушай, у нас не так много времени. У нас ещё четыре бутерброда и десять банок пива. В любом случае, музыки и сигарет не хватит до весны. И скоро настанет завтра. А завтра – конец. Это должно быть нам ясно. А значит, всё безразлично. Ты можешь выглядеть ужасно непривлекательно, не важно, тебе, правда, не надо стесняться. Этого от тебя никто тут больше и не ждёт. Можешь вести себя по-свински. Можешь перед лицом всей этой панорамы онанизмом заниматься – не важно. Можешь проговорить все фразы в мире. Можешь делать всё, что хочешь. Можешь повторять слова, а можешь нет. Можешь встать на голову. А потому, если я тебя прошу, короче, если я о чём-нибудь тебя прошу, о чём-нибудь невинном, то сделай это, чёрт побери!, не то у меня крыша поедет. И если тебе в голову придёт мысль что-нибудь сделать, так сделай. Потому как это приятно – что-нибудь да сделать. Это гораздо приятнее, чем не сделать ничинго. С раздумьями покончено. Раздумывать можно, когда у тебя время есть. А у нас его нет. Договорились?

АВГУСТ. Договорились.

ЮЛЯ. Времени на раздумье у нас будет потом вечность.

АВГУСТ. Да?

ЮЛЯ. Да. Если то, что в нас думает, это дух, а дух, как все утверждают, вечен, то разумеется, у нас будет вечность на раздумья. Но в сравнении с этим, очень мало время на дела. Короче, если ты меня о чём-нибудь попросишь, я сделаю.

.....

ЮЛЯ. Ты мне нравишься. Знаешь?

АВГУСТ. Да. Ты мне тоже нравишься.

ЮЛЯ. Минуточку, дай сюда.

*Юля берёт камеру и снимает.*

ЮЛЯ. Что ты сейчас сказал?

АВГУСТ. Не знаю

ЮЛЯ. Мы, кажется, о чём-то сейчас договорились?

АВГУСТ. Да.

ЮЛЯ. Ну и?

АВГУСТ. Что?

ЮЛЯ. Ты что-то сейчас сказал? Давай, скажи ещё раз.

АВГУСТ. У меня нет никакого желания говорить что-то по приказу.

ЮЛЯ. Ладно. Тогда скажи что-нибудь другое. Что-нибудь новенькое. Быстро. Сейчас

потренируемся. Давай. Расслабься. Конец всяким мыслям. Говори что-нибудь. Эмоции, давай! Доверься своему инстинкту. Если ты через три секунды не скажешь что-нибудь эмоциональное, я прыгну вниз. Раз, два, три.

АВГУСТ. Хайль Гитлер!

.....  
ЮЛЯ. Ты что, дурной или как?

АВГУСТ. А чё?

ЮЛЯ. Вообще идиотизм какой-то!

АВГУСТ. Выскочило из меня как-то. Ты меня вздёрнула.

ЮЛЯ. Нет, это было вообще. Срам один!

АВГУСТ. Да никто же не слышал. Ты же сказала: всё равно что.

ЮЛЯ. Ну не такое же.

АВГУСТ. Но всё-таки я тебе жизнь спас.

ЮЛЯ. А поумнее ты ничего не придумал?

.....  
АВГУСТ. А зачем ты вообще камеру с собой взяла?

ЮЛЯ. Да просто так. Потому что хотела. И чтобы те... Чтобы что-то осталось... И сейчас она здесь есть, и сейчас она здесь.

АВГУСТ. Я хочу с тобой спать.

ЮЛЯ. Почему ты сказал это?

АВГУСТ. Потому что ты сказала: я должен говорить всё что хочу.

ЮЛЯ. А у тебя резинка с собой есть?

АВГУСТ. Нет.

ЮЛЯ. У него нет!

АВГУСТ. Да зачем?

ЮЛЯ. Ой, мамочка, у него нет резинки, и он хочет со мной переспать! Можно ли? Нет-нет-нет. Нет уж, не надо мне никаких детей, мне ж потом вниз прыгать. Не бойся. А болезни? Нет, их я возьму с собой, они это не переживут.

.....  
ЮЛЯ. Ну, что такое?

АВГУСТ. Ничего.

ЮЛЯ. Что-то не так, что ли?

АВГУСТ. Что именно?

ЮЛЯ. Что я шутки отпускаю.

АВГУСТ. Да нет.

ЮЛЯ. Да. Тогда я пойду в палатку и освежусь.

АВГУСТ. Ага.

ЮЛЯ. «Ага...»

*Они исчезают вместе с камерой в плохо освещённой палатке и закрывают её за собой. Мы слышим их голоса в усилении.*

ЮЛЯ. Ты дрожишь.

АВГУСТ. Мне холодно.

ЮЛЯ. Если так дрожать, то ничего не получится. Выключи её. Дай сюда. Выключи. Выключил?

*По видео нам видны Юля и Август в палатке. Изображение колеблется. Очевидно Юля берёт и отставляет камеру. Изображение ненадолго отклоняется, затем возвращается. Нам видно нечто непонятное, пёстрое, какая-то деталь одежды с близкого расстояния.*

ЮЛЯ. Надо тут надышать. Ты дышишь?

АВГУСТ. У тебя есть возлюбленный?

ЮЛЯ. Возлюбленный?

АВГУСТ. Ну, друг...

ЮЛЯ. Ты просто душка. Спроси ещё чего-нибудь.

АВГУСТ. Ну, так что, есть?

*Изображение резко сбивается. Вдруг они опять оба в кадре.*

ЮЛЯ. Спроси лучше, как я больше люблю.

АВГУСТ. И как же ты любишь?

ЮЛЯ. Стоя на руках на лошади.

АВГУСТ. А он как любит?

ЮЛЯ. Короче, если тебе лучше с **каким-нибудь**, тогда ты не по адресу.

АВГУСТ. С кем это?

ЮЛЯ. Откуда я знаю? Ты постоянно спрашиваешь о каком-то типе.

АВГУСТ. Хотел услышать.

ЮЛЯ. А ты не ревнивый?

АВГУСТ. Нет.

ЮЛЯ. А то всему конец. Последнее дело. Мне только этого не хватает: сидеть в палатке, на краю пропасти и выслушивать сцену ревности. Слабо ты дышишь. Так никогда тепло не будет. Так что?

АВГУСТ. Что, так что?

ЮЛЯ. Ты всё ещё дрожишь?

АВГУСТ. Холодно.

ЮЛЯ. Иди сюда.

*Август садится к Юле ближе.*

ЮЛЯ. Дрожишь.

АВГУСТ. Ты тоже.

ЮЛЯ. Обними меня.

.....

ЮЛЯ. Ты веришь, что этой ночью настанет конец света?

АВГУСТ. Нет. На рассвете.

ЮЛЯ. А, ты всё-таки знаешь этот фильм?

АВГУСТ. Какой?

ЮЛЯ. «Бунтовщик без идеала».

АВГУСТ. Нет.

ЮЛЯ. Там была такая сцена, незадолго перед концом, тогда Платон спрашивает, ну, так звали того, который намного моложе двух других, словно как будто их ребёнок. А они как будто отчасти его родители, ну, пара эта любовная, и он спрашивает этого типа, которого Джемс Дин играет, спрашивает, наступит ли ночью конец света.

АВГУСТ. Ну и?

ЮЛЯ. А Джемс Дин говорит: «Нет. На рассвете.»

АВГУСТ. Просто гений, этот тип.

ЮЛЯ. Так в сценарии было.

АВГУСТ. Ну, я и говорю.

ЮЛЯ. Какой такой тип?

АВГУСТ. Тип, который написал всё это.

ЮЛЯ. Может, он где-нибудь содрал, так же как ты сейчас содрал.

АВГУСТ. Я не содрал.

ЮЛЯ. Ты его видел.

АВГУСТ. Ага.

ЮЛЯ. И кто такая Натали Вуд, ты тоже знаешь?

АВГУСТ. Ага.

ЮЛЯ. Ты только делал вид, что не знаешь?

АВГУСТ. Ага.

ЮЛЯ. И я тебе поверила?

АВГУСТ. Может, ты тоже только сделала вид?

ЮЛЯ. Может быть.

АВГУСТ. Может быть.

.....

*Целуются.*

ЮЛЯ. Ага. А скажи-ка. Ну, вот то, что мы тут этим занимаемся, ну, гольшом тут, это ты себе так вот не представлял...

АВГУСТ. Представлять-то представлял.

ЮЛЯ. Ага. Но делать же нам это не обязательно?

АВГУСЬ. Не-а. Не обязательно. Можно было бы только просто поточнее представить.

ЮЛЯ. Можно было б.

АВГУСТ. Значит, следующее, чего я должен буду сделать, вероятно, забраться тебе под куртку.

ЮЛЯ. А я положу тебе руку туда. На внутреннюю часть бедра.

АВГУСТ. Будешь сразу брать быка за рога.

ЮЛЯ. Да.

АВГУСТ. Это меня довольно-таки возмутит.

ЮЛЯ. Возмутит?

АВГУСТ. Ну, или как там говорят?

ЮЛЯ. Не знаю. Я никогда этого не говорю.

АВГУСТ. Возбудит.

ЮЛЯ. Да? Если я свою руку туда положу?

АВГУСТ. Да, конечно. А я, значит, своей рукой, на которую не опираюсь, коснусь, вероятно, твоих волос, а потом и шеи.

ЮЛЯ. А я своей рукой буду, вероятно, водить туда-сюда.

АВГУСТ. А потом я, вероятно, попытаюсь уже этой же рукой двигаться по направлению лифчика, но как бы не очень заметно.

ЮЛЯ. И как же?

АВГУСТ. Ну-у... Так вот, сбоку. Тогда, вероятно, кисть моей руки, двигаясь вниз, будет касаться, твоей груди.

ЮЛЯ. Да, вероятно. А я, вероятно, в этот момент уже оставлю твоё бедро и коснусь, поглаживая, рукой твоего лица.

АВГУСТ. Это, вероятно, меня подбодрит. Тогда я проведу рукой по твоим бёдрам и коснусь спины.

ЮЛЯ. И тогда я поцелую тебя в шею.

АВГУСТ. И всё это время я ничего не буду говорить. Но дрожать буду.

ЮЛЯ. Да. И я тоже.

АВГУСТ. И я буду ужасно возбуждён, потому как мы сейчас теперь это и сделаем...

ЮЛЯ. А я буду вдыхать твой запах. А потом опять мне надо будет взглянуть на тебя. И я подумаю, как ты, чёрт побери, здорово выглядишь.

АВГУСТ. Нет, минуточку. Это я думаю. Это я подумал бы.

*Август выходит из палатки, хотя на видеопроекции всё ещё присутствует изображение обоих молодых людей. Август говорит себе и публике.*

АВГУСТ. Я подумал бы: что это она делает со мной в этой палатке, эта супер-кошка? Она так красива, да и вообще классная. А я – всего лишь только я. И вообще это странно, что она со мной выделяет. Может, она не в себе. И я чуть было совсем не утратил всяческое уважение. Это какое-то кошмарное недоразумение. Какая-то заковыка. Какая-то путаница. Она думает, что я – это не я, хоть я и есть я. Но мне нельзя ей этого говорить, иначе номер не пройдёт.

*Юля тоже выходит из палатки, в то время как изображение продолжает оставаться прежним. Она встаёт рядом с Августом и тоже устремляет взгляд в публику.*

АВГУСТ. Сейчас я должен очень осторожно сделать вид, что это вполне естественно, что такая женщина, как она, проявляет ко мне интерес. В палатке. Словно у меня это бывало сплошь и рядом. И в тот момент, когда тебе это скажу, я проведу рукой по твоей груди и поцелую тебя, примерно так, как это делает какой-нибудь тип в кино, потому как мне как раз надо выглядеть крутым и потому что мне не приходится в голову, как это бывает, если вести себя в подобной ситуации естественно.

ЮЛЯ. Короче, вероятно, проводят руками по груди или вроде того...

АВГУСТ. Ага.

ЮЛЯ. Ага.

АВГУСТ. Да. В общем, я буду тебя целовать, долго и искусно, и скажу себе: у неё мягкие губы.

ЮЛЯ. А я буду надеяться, что поцелуй этот никогда не кончится, и всё, что во мне было, начнёт крошиться и распадаться, создавая во мне всё больше и больше места для тебя. Но я не стану пускать тебя в себя, пока ещё нет, потому что буду стыдиться того непорядка, который царит во мне, там ещё так много неясного; но поцелуй будет всё длиться и длиться, и я отчасти уже не буду больше понимать, кто я есть, так крепко стану работать языком, что в какой-то момент даже подумаю, что хорошо, что оно прошло всё и что мы выживем... знаешь? И что всё переживём.

*Что-то на видеоизображении позади них начинает меняться, утрачивая связь с реальностью палатки. Картины, вызванные воображением Юли, начинают осуществляться на наших глазах. В*

*последствии возникает нечто вроде «диалога» между экраном и сценой; оба пространства как бы перетекают друг в друга.*

ЮЛЯ. Что умирание прекратилось и что мы находимся в некоем месте, принадлежащем нам, дома под крышей, и что вообще это возможно – находиться дома, и что умирание закончилось, и мы можем выйти, и там снаружи всё нормально и умирание закончилось, понимаешь? Ничто не движется больше навстречу смерти, всё ещё только **есть**, и мысленно я выйду на улицу, а поцелуй будет длиться так долго, пока я не окажусь на улице, и будет ночь, и я возьму тебя, и мы пойдём бродить по улицам, и остановим такси, сядем, и я опять буду держать руку на твоём бедре, потому что оно такое твёрдое на ощупь.

АВГУСТ. И вообще тем временем многое как бы уже произошло.

ЮЛЯ. Смотри, огни. Огни города.

*Огни проносятся мимо.*

АВГУСТ. Ага.

ЮЛЯ. Мы будем лучше любить друг друга в такси, на глазах у общественности, потому что мы там и познакомились, тогда.

АВГУСТ. Да, но не в этот раз. Я начну тебя раздевать. Сначала куртку, потом рубашку.

ЮЛЯ. А я помогу тебе, чтобы скорее было. И как сумасшедшая, стану срывать твою рубашку, что б её не было. И будем мы лежать рядом, и я, конечно же, скажу: мне холодно.

АВГУСТ. И я лягу на тебя, так чуть-чуть сбоку, а кожа у тебя, действительно холодная, и у меня тоже, но вместе нам всё-таки станет как-то теплее. И я стану целовать тебя ещё больше. И моя рука, та, которая свободна, (потому как другая застрянет под тобой, но я сделаю вид, что оно так и надо), короче другой рукой я буду ласкать твои бёдра - так же, как ты мои - потому что знаю: ей это нравится. Она со мной тоже это проделывала, и это было здорово.

ЮЛЯ. Очень медленно я раздвину ноги, чтобы ты знал, что всё о кей, если твоя рука переместится немного выше. Потому как всё-таки хорошо мы же друг друга не знаем.

АВГУСТ. И я положу руку немного выше. Но через джинсы чувствуется всё не так, поэтому сверху буду продолжать целовать, как безумный, пока не смогу внизу всё расстегнуть.

ЮЛЯ. А я повернусь в сторону, чтобы раздеться совсем. И разденусь совсем, а ты обнимешь меня, и мы станем согревать друг друга. Как две маленькие кофейные ложечки будем мы лежать, держа друг друга в объятиях. Я буду рассматривать брезент палатки. А он будет колыхаться, и мы окажемся в пустыне, два бедуина. И я буду ощущать спиной твою грудь. У тебя волосы есть?

АВГУСТ. То есть?

ЮЛЯ. На груди?

АВГУСТ. Не-а.

ЮЛЯ. Хорошо.

АВГУСТ. Я буду держать тебя, совершая при этом движения бёдрами, пытаюсь, однако, сдерживаться при таком возбуждении.

ЮЛЯ. Но в какой-то момент я уступлю всё возрастающему желанию. Я поднимусь на четвереньки и закричу: «Возьми меня, давай же, возьми меня!..»

АВГУСТ. Серьёзно?

ЮЛЯ. Почему бы и нет.

АВГУСТ. Ну... А я скажу про себя: «Она абсолютно запредельна, эта кошка, и я ... и я, в общем, это сделаю.

ЮЛЯ. И как же?

АВГУСТ. Я тогда... тебя... я тогда...

ЮЛЯ. Ты будешь держать меня за бёдра.

АВГУСТ. Да. Одной рукой. А другой буду гладить тебя по спине.

ЮЛЯ. А я буду искать тебя, я прижмусь к тебе попой и почувствую, как тыходишь в меня.

Сначала медленно, а затем всё интенсивней. И дыхание моё с каждым толчком станет всё чаще и чаще.

.....

АВГУСТ. Я буду любить тебя.

ЮЛЯ. Ты хочешь сказать: трахать. Мы вытрахнем себе мозги из башки.

АВГУСТ. Нет. Я стану любить тебя.

ЮЛЯ. Ты имеешь в виду - трахать, но скучно?  
АВГУСТ. Нет.  
ЮЛЯ. Ты имеешь в виду: ты влюбишься тогда.  
АВГУСТ. Да.  
ЮЛЯ. Со всем и вся и будешь говорить нежности?  
АВГУСТ. Да.  
ЮЛЯ. А как ты меня назовёшь?  
АВГУСТ. Лягушечка.  
ЮЛЯ. Лягушечка.  
АВГУСТ. Ага. Не знаю. Нет, кошечка. Наверное.  
ЮЛЯ. Кошка, да? Ты что, с животными?  
АВГУСТ. Или бэби...  
ЮЛЯ. Ну, ясно, или бэби...  
АВГУСТ. А что такое?  
ЮЛЯ. Я – счастлива.  
АВГУСТ. Я тоже.  
ЮЛЯ. Завтра мы умрём.  
АВГУСТ. Да.  
ЮЛЯ. Я так счастлива.  
АВГУСТ. Я тоже.  
ЮЛЯ. Пойдём.

*Юля берёт его за руку. Оба исчезают в палатке.*

ЮЛЯ. *(голос)* Включи музыку! Включи же музыку! Что это было, что ты мне хотел проиграть? Что ты хотел проиграть? Покажи.

*Юля проигрывает CD.*

АВГУСТ. *(голос)* Не, дальше. Ещё дальше Четвёртая. Вот.

*„Death of an Angel“, KINGSMEN.*

АВГУСТ. *(голос)* Орган. Супер. Они были – просто обалдеть! Слышишь? Историческая музыка. Trash. Они называли это trash. Они были панки за двадцать лет до панков. Настоящие панки. Я хочу сказать, что те панки, она просто подражали. Все эти дела с No-Future просто полное дерьмо. Правда. Может, trash тоже дерьмо. Но это не важно. Послушай: вещь просто классная. Это просто озарение. Абсолютно. Они увидели Северное сияние и потом, когда оно исчезло, появилась песня: „My baby’s gone, and left me here to stay“.

ЮЛЯ. *(голос)* Интересно...

### ***Перемена сцен.***

*Такая же сцена, как и 2. Рассвет. Август вылезает из палатки и идёт к обрыву. В руках у него камера. Останавливается. Снимает всю панораму, медленно переходя к пропасти, направляя камеру вниз. Потом выключает. Из палатки появляется Юля, подходит к Августу.*

*Останавливается. Она бледна, выглядит не выспавшейся, но одета, как на вечеринку: на ней элегантное платье и туфли на высоких каблуках....*

ЮЛЯ. Какой-то сегодня чёрный день.

АВГУСТ. Сегодня утром во сне я увидел, что нахожусь у истока всех начал, в бездне, там, откуда всё началось, и что я наблюдаю за возникновением хаоса.

.....  
ЮЛЯ. Давай доведём всё до конца.

АВГУСТ. Сначала ты.

*Август отходит на несколько шагов от пропасти и направляет камеру на Юлю.*

ЮЛЯ. Подожди, ты уже снимаешь?

АВГУСТ. Да.

ЮЛЯ. Не, погоди. Убери сначала.

*Август прогоняет назад.*

АВГУСТ. О кей.

ЮЛЯ. Привет, мама, привет, папа, привет, бабуля, привет, Руне. Как видите, я здесь, в этом месте, где... что такое?

АВГУСТ. Хочешь, чтобы «готово» тоже там было?

ЮЛЯ. Конечно, нет.

АВГУСТ. Тогда ещё раз. Погоди.

ЮЛЯ. Ты начнёшь, когда я скажу «о кей». О кей? – О кей. ...Привет, мама, привет, папа, привет, бабуля, привет, Руне. Как видите, я здесь, в этом месте, где мы когда-то были вместе, когда я ещё была маленькой, а ты, папа, держал меня тогда за ноги, чтобы я могла посмотреть вниз, в пропасть, потому что боялся, что я свалюсь туда...

АВГУСТ. Что ещё?

ЮЛЯ. Выключи.

АВГУСТ. Что такое?

ЮЛЯ. Ничего Я... Погоди, покажи, как это выглядит.

АВГУСТ. Целиком?

ЮЛЯ. Нет, только конец.

*Август прокручивает назад. На экране появляется Юля со словами:*

*«...папа, держал меня тогда за ноги, чтобы я могла посмотреть вниз, в пропасть, потому что боялся, что я свалюсь туда...»*

ЮЛЯ. Дерьмо какое-то.

АВГУСТ. Не знаю, я считаю, что кусок хорош.

ЮЛЯ. Ужасно патетично. Нет?

АВГУСТ. Не знаю. Но здесь же нечто особенное. Давай дальше. Мы же можем создать второй дубль.

ЮЛЯ. О кей. Можешь дальше продолжить со слова «свалюсь»?

АВГУСТ. Да. Погоди... о кей.

ЮЛЯ. Я говорю «о кей».

АВГУСТ. О кей.

ЮЛЯ. О кей... Сегодня я здесь, потому что хочу наверстать кое что. Сегодня я туда прыгну. Это значит, что вообще-то я уже мертва. *(Старается скрыть усмешку.)* В момент, когда я это вам говорю, уже мертва. *(Смеётся.)* Мысль - безумная, можете мне поверить. *(Смеётся ещё больше.)* Но вам уже это известно. Иначе бы это видео... в общем. Чёрт побери, теперь я нить потеряла.

АВГУСТ. Я выключу, ладно?

ЮЛЯ. Нет. Зачем?

АВГУСТ. Я думаю, этот смех...

ЮЛЯ. Как раз это может быть хорошо! Как-то безутешно, может быть. Может, это как раз такие моменты.

АВГУСТ. Но это было несколько ненормально, или нет?

ЮЛЯ. Ненормально?

АВГУСТ. Немножко.

ЮЛЯ. Ничего. Давай дальше.

АВГУСТ. Тогда тебе надо будет ещё немного посмеяться в связи с «continuity».

ЮЛЯ. Что значит «continuity»?

АВГУСТ. Продолжение.

ЮЛЯ. Но это же вставка!

АВГУСТ. Но после этой вставки следует продолжение. Короче, давай дальше, там, где остановились.

ЮЛЯ. Не. Дальше пойдёт немножко дальше. Поэтому я теперь больше не смеюсь. Тебе нельзя прерываться. О кей? Только я сама могу прервать. О кей?

АВГУСТ. О кей.

ЮЛЯ. О кей...

АВГУСТ. Пошла камера.

.....

ЮЛЯ. А потом ничего не будет.

.....

ЮЛЯ. Потом ничего не будет. Потом конец. После начала ничего не будет.

.....  
ЮЛЯ. Ты меня слышишь?

.....  
ЮЛЯ. Выключи эту штуку.

АВГУСТ. Что такое? Как раз сейчас было классно. Эта тишина. Тебе надо больше пауз делать, они классно получаются.

*Камера выключена.*

ЮЛЯ. Не будет «пошла камера». После «о кей» не «пошла камера». После «о кей» буду я.

АВГУСТ. А я что, что-то сказал?

ЮЛЯ. Да, ты сказал: «пошла камера». Но все же видят, что она пошла, а то бы они не услышали, как ты говоришь «пошла камера».

АВГУСТ. Не будь такой придирчивой.

ЮЛЯ. Я не каждый день кончаю жизнь самоубийством, чёрт побери. Я хочу, чтобы всё было в порядке.

АВГУСТ. О кей.

ЮЛЯ. О кей.

*Пошла камера.*

ЮЛЯ. Мы прервёмся ненадолго на рекламу. Shop till you drop, motherfuckers! И вот мы снова с вами, прямой репортаж о том, как два молодых, невинных, средней руки человека европейского разлива по собственной воле выпадают из доверенной им жизни... О кей. Давай... О кей.

АВГУСТ. Что ещё?

ЮЛЯ. Я сказала «о кей», значит, камера должна работать.

АВГУСТ. Она уже давно в работе.

ЮЛЯ. Давно в работе. В общем... Я не хочу, чтобы оно выглядело так, словно я не ведаю, что творю. Я очень даже знаю. Здесь со мной рядом некто, кто может это подтвердить. Там, с камерой, Август, он мой лучший друг. Я люблю его. Очень сильно. Покажись-ка.

*Август направляет камеру на себя и изображает улыбку.*

ЮЛЯ. Да, Руне, это Август. Ты, конечно, думаешь сейчас: типичный неудачник. Но это большая удача – смочь быть неудачником. Подумай об этом. Это большая удача – вообще кем-нибудь быть. А Август супер-неудачник. Не смейся. И поэтому я люблю его. И мне не хотелось бы, чтоб с ним что-то случилось. И поэтому мы спрыгнем вместе. Мы возьмёмся за руки и не отпустим их, пока не окажемся внизу.

АВГУСТ. Погоди-ка...

*Выключает камеру.*

ЮЛЯ. Что?

АВГУСТ. Не знаю, может лучше, если мы будем посдержаннее?

ЮЛЯ. То есть?

АВГУСТ. Ну, Руне этот, я же вовсе не знаю его. И не уверен, хотелось ли бы мне оставлять для него что-то. По поводу того, что я неудачник. И вообще. Не знаю...

ЮЛЯ. Это же то, что касается только его и меня. Я же не утверждаю, что ты неудачник вообще. Это наше: моё и Руне. Но мы можем сделать отдельные кассеты.

АВГУСТ. Да, хотя в принципе всё равно. То есть, я вообще-то не имею никакого отношения к тому, что ты убиваешь себя, с содержательной точки зрения...

ЮЛЯ. Я хочу сейчас договорить до конца.

АВГУСТ. Ладно, но ты сделаешь один вариант без меня. О кей?

ЮЛЯ. Как хочешь. О кей. На чём я остановилась?

АВГУСТ. Мы не отпустим друг друга, пока не окажемся внизу.

ЮЛЯ. Да. Именно. Что ты там сказал? «Вариант без тебя»?

Никакого варианта без тебя нет. Давай дальше. Итак, о кей...

*Пошла камера.*

ЮЛЯ. Я всегда мечтала об этом, если хотите знать. Я всегда хотела умереть с любимым. Одновременно. Чтобы никогда не увидеть, как он уходит. И я всегда представляла себе, как мы умираем все вместе. На пикниках. Все вместе. «Семья погибла при ударе метеорита. Кратер

величиной с футбольное поле». И чтобы кто-то из нас умер раньше другого – этого я себе никогда не могла представить. Да. А сейчас я уйду вперёд. Мне очень жаль, но так уж вот. Когда ты, папа, держал меня тогда за ноги, – это было хорошее чувство. Я всегда получала от вас положительные эмоции, когда нуждалась в этом. Вы были такие хорошие родители, лучше и не бывает. Потому что вообще-то вы всегда держали меня за ноги, вы, мои друзья и мои коллеги... Я могла заглядывать во все пропасти мира, не испытывая страха. Потому что вы были рядом. И за это я вам благодарна, потому что у меня была прекрасная жизнь, благодаря всем вам. Я видела всё, я впитала в себя весь мир. И я всё получила, что могло бы быть. Всё, что я хотела, всё я всегда получала. Не было ничего недостижимого. Везде побывала, а остальное видела в кино, была на Огненной Земле у аборигенов и видела, как встаёт солнце, ела биг-маки, делала покупки у Версаче и наоборот, меня любили, желали, я умею играть в гольф и плавать на яхте, была наилучшей в информатике, разрабатывала компьютерные игры, делала деньги, проделывала всё, что доставляет удовольствие, у меня есть татуировка, вот тут... Я перепробовала все наркотики мира и не сломалась, тусовалась с мужиками, провела ночь с Бродом Питом, что было не особенно приятно. Но всё же интересно, с социологической точки зрения, это было тогда, когда ты, Руне, отпустил меня одну в Нью-Йорк. Мальчик летел тем же самолётом, к сожалению. У меня была большая настоящая любовь с тобой, Руне. И я всё ещё люблю тебя. Хоть ты и стал «счастливчиком». Береги себя. Да, всему своё время. Короче говоря: вы преподносили мне мир на блюдечке, я попробовала ото всего и всё выплёвывала назад, толком не распробовав. Потому что одно никогда не уравнивало возможность другого. Моя жизнь... в общем, моё прошлое, оно состоит из будущего, из которого ничего не вышло. Одного я долго не могла понять... Не могла понять, что существует только один путь, чтобы овладеть всем – ничего не требовать. И есть лишь один способ обладать всем – ничего не требовать. И мне кажется... Я ничего больше не жажду. У меня было всё, и мне не требуется ничего. Ничего не хочу. Словно никогда ничего и не хотела. Не знаю, поймёте ли вы это. Во всяком случае, никто из вас не может мне не дать ничего, этого не может никто, кроме меня самой. Да, ещё одно мне надо – мне нужна красивая смерть. И я хотела попрощаться с вами со всеми и сказать вам, что всё будет хорошо... потому что я вас всё-таки... потому что всё-таки потому что я... Выключи...

*Камера выключена*

ЮЛЯ. Вообще-то я полная дура, как выясняется.

АВГУСТ. Почему?

ЮЛЯ. Я говорю тут всё о себе...

АВГУСТ. Да... но ведь это же в последний раз.

ЮЛЯ. И как-то тупо, к тому же. Так не пойдёт. Я не должна так. Вставь новую кассету.

*Август вкладывает новую кассету.*

АВГУСТ. А я считаю иначе. Это было неплохо. В любом случае, я понимаю тебя теперь гораздо лучше. То, что ты уйти из жизни хочешь, и вообще.. Понимаю. Серьёзно.

ЮЛЯ. Да полная брехня это была. Что я уже всё поимела и вообще. Что весь мир держал меня за ноги, чтоб я могла в бездну посмотреть. Фигня полная. Полная бредятина. Пропаганда.

АВГУСТ. Да. Но всё в целом.

ЮЛЯ. Ещё раз.

*Август снимает Юлю.*

ЮЛЯ. Привет, народ. Это я ещё раз... Не затем, чтобы вам упрёки бросать – так делают только те, кто за жизнь цепляется. Просто захотелось сказать «пока». И не делайте из этого истории, потому как, если бы я раньше обнаружила, что у меня столько же недостатков, что и у вас, я бы не сходя с места покончила бы с собой. Да? С этой точки зрения оно ещё долго тянулось. Да. В общем...

.....

АВГУСТ. Я выключил.

ЮЛЯ. Я закончила.

АВГУСТ. Ага. Я не знал, это было так коротко.

ЮЛЯ. Да дерьмо всё. Давай лучше ты.

*Август отдаёт ей камеру.*

АВГУСТ. Погоди, я не знаю, смогу ли так коротко.

ЮЛЯ. Я готова.

АВГУСТ. Ну, поехали.

*Пошла камера.*

АВГУСТ. Привет. Мои дорогие. Вот и ещё раз я... Я... В общем. Мне всегда хотелось быть частью чего-то: жизни, какой-нибудь истории, но вместе с этим... Вот блин. Простите. Да. С того момента, как я начал мыслить, не было ничего, чтобы мне хотелось учинить. У меня никогда не возникало потребности стать причиной чего-либо на этом свете. Может быть, и существует какое-нибудь слово, которое мне хотелось бы сказать, но в данный момент я его не вижу. Хотя нет: трус. Я – трус. Вероятно. Единственное проявление моего мужества заключается в том, что я не покончил с собой. Я всегда жил в страхе, что меня настигнет внезапно несчастный случай. Это отравляло мою жизнь. Вот. Поэтому сегодня я упреждаю судьбу и бросаюсь вниз, в несчастный случай, прежде чем он настигнет меня. Вот. В общем... Не переживайте, ладно? Может, в несчастии счастье. Ах да, и не забываете кормить рыбку. Вот. Пока.

*Камера выключена.*

ЮЛЯ. У тебя что, рыбка?

АВГУСТ. Да. Вообще-то я хотел взять её с собой. Но потом подумал, что лететь... и потом она в морской воде.

ЮЛЯ. Там внизу морская вода.

АВГУСТ. Серьёзно?

ЮЛЯ. Это же фьорд.

АВГУСТ. Да, вот чёрт! Надеюсь, они её покормят. Покажи-ка, хочу посмотреть, как оно выглядит. Представь себе, что ты – твои родители, смотрящие на тебя.

*Август забирает камеру и прокручивает кассету назад. Мы видим и слышим отснятое ещё раз.*

*Оба с напряжением просматривают всё на контрольном мониторе камеры.*

ЮЛЯ. ... Я бы не сходя с места покончила с собой. Да? С этой точки зрения оно ещё долго тянулось. Да. В общем... и пока...

АВГУСТ. Привет. Мои дорогие. Вот и ещё раз я... Я... В общем. Мне всегда хотелось быть частью чего-то: жизни, какой-нибудь истории, но...

*Август выключает камеру.*

АВГУСТ. Как-то не очень. Звучит как-то сверхдерьмово. Я так не могу. То есть, я проживаю жизнь не для того, чтобы сочинять подобную ложь. Просто невозможно оставлять здесь после себя подобное дерьмо.

ЮЛЯ. Надо попробовать ещё раз. Я стою там, как загипнотизированная.

АВГУСТ. Я болтаю только... не знаю.

ЮЛЯ. Ну, да. И это тоже. А я, к тому же ещё и выгляжу так, что...

АВГУСТ. Это нормально.

ЮЛЯ. Что?

АВГУСТ. Ну, сразу как встанешь.

ЮЛЯ. Просто всё ужасно депрессивно. Я выгляжу, как какой-то сектант. Хочется, чтоб этого не было: чтоб они там подумали, что я не в себе. Скажи-ка, это же ерунда по поводу труса.

АВГУСТ. Ну...

ЮЛЯ. Зачем ты говоришь такое.

АВГУСТ. Чтобы утешить их. Я подумал: если трус себя убивает, в этом есть что-то утешающее.

ЮЛЯ. А ты не хочешь сказать им правду? Вместо того чтобы нести ахинею. Кажется, сейчас подходящий момент. К тому же мне неохота прыгать с трусом.

АВГУСТ. Да-да. Полное дерьмо.

.....

*Работает камера. Юля ставит на «сверхнадёжно».*

ЮЛЯ. Привет всем. С меня хватит. Вам этого не понять, поэтому я не стану тут трепаться. Пока.

*Камера выключена.*

АВГУСТ. В этом что-то есть. В краткости.

ЮЛЯ. Ещё раз.

*Работает камера.*

ЮЛЯ. Привет, мама. К тебе, папа, я обращаюсь позже...

.....

ЮЛЯ. Нет, никакое это не начало. Подожди-подожди, пусть работает. Дорогая мама, дорогой папа. Я здесь с Августом, Август – мой новый друг. Мы любим друг друга.

.....  
ЮЛЯ. Блин. Блин! Правда. Я не смогу. Давай ты.

*Юля забирает камеру.*

АВГУСТ. Да погоди. Итак, о кей. Привет. Мне очень жаль, что я причинил вам такое. Но я о вас вообще-то как-то не очень подумал. В этот момент, который сейчас наступит, вы были мне как-то безразличны. Это правда...

АВГУСТ. Откуда мне знать, будут ли они мне в этот момент безразличны, который наступит! Погоди ещё раз... О кей?

АВГУСТ. Привет. Вы и понятия не имеете, как это оно. А я вам скажу: полное дерьмо. Я даже прощального слова не могу сварганить. Такая потерянности и поэтому я сейчас пойду... Пока.

*Камера выключена.*

ЮЛЯ. Но не всерьёз.

АВГУСТ. Хотя что-то, по крайней мере. Не знаю. - Минутку, сейчас нашёл.

ЮЛЯ. О кей.

АВГУСТ. Дорогая мама, дорогой папа, дорогой брат и дорогой весь остальной мир. В общем и целом... спокойно взвесив, невозможно не потерять рассудка. До скорого...

*Камера выключена.*

ЮЛЯ. Не знаю... Может, надо просто положить камеру, встать перед ней, что-то коротко сказать и тогда уж уйти.

АВГУСТ. Да.

*Юля устанавливает камеру на «съёмке». Оба выходят вперёд, держась за руки.*

ЮЛЯ. Я люблю вас.

АВГУСТ. Я тоже.

*Держась за руки, они направляются к пропасти. У самого края:*

ЮЛЯ. Фантастика.

АВГУСТ. Вообще-то, да.

ЮЛЯ. К тому же всё прежнее сохранилось в записи.

АВГУСТ. Ага.

*Август опять выключает камеру.*

АВГУСТ. Может, музыки немного?

ЮЛЯ. Музыка?

АВГУСТ. Ну, не знаю, для живописности, как фон.

ЮЛЯ. Погоди, у меня кое-что есть. Это всегда меня утешало, когда мне грустно было.

*Юля вытаскивает из палатки магнитофон.*

ЮЛЯ. Дело в том, что у меня не всё было. В этом дело. Не знаю. Как-то я себе больше совершенно не верю. Северное сияние сегодня ночью. Я ещё никогда такого не видела. Блин. Если б мы вчера прыгнули, мы бы абсолютно пропустили этот дурацкий свет. Ничего я не видела. Вот. Погоди. Вот. Шестая. Готов?

АВГУСТ. Да.

ЮЛЯ. О кей. Пусть играет.

*Работает камера. Юля вкладывает диск и включает проигрыш.*

*(Билла Фрайзелла.) Она хочет что-то сказать, долго смотрит в камеру и, в конце концов, только плачет. Мелодия льётся дальше. Юля выключает магнитофон.*

ЮЛЯ. Прости.

АВГУСТ. Ещё раз?

ЮЛЯ. Нет. Думаю, я не в состоянии. Не может же быть, что так тяжело прощаться.

АВГУСТ. Давай я попробую.

*Отдаёт Юле камеру.*

АВГУСТ. О кей?

*Юля кивает. Август задумчиво:*

АВГУСТ. Если смерть - это что-то ужасное, а, наверное, так оно и есть, как же тогда получается, что мы, какое-то время спустя, каждого из наших друзей считаем счастливыми, после того как они расстались с жизнью?

АВГУСТ. Жизнь для меня проблема, которую я каждый день должен решать заново. Если же следовать глубинным инстинктам, станешь с утра до ночи взывать о помощи.

АВГУСТ. Все мои противоречия происходят от того, что невозможно любить жизнь больше, чем я её люблю, и одновременно и практически постоянно ощущать отверженность и покинутость.

АВГУСТ. Уже много лет я живу наедине с собой, и я несчастлив. Но сегодня, сегодня я счастлив.

Может, настоящее счастье заключается в осознании ненужности самого себя себе.

*Камера выключена. Юля в восторге.*

ЮЛЯ. Аминь. Это было гениально!

АВГУСТ. Блин...

ЮЛЯ. Да ты же поэт.

*Август приносит из палатки книгу.*

ЮЛЯ. Это прозвучало так естественно. Меня ужасно тронуло.

АВГУСТ. Да нет... Это я стырил.

ЮЛЯ. Да какая разница!

АВГУСТ. Не знаю.

ЮЛЯ. Это мы можем так и оставить.

АВГУСТ. Думаешь, это всё?

ЮЛЯ. Да. Или нет?

АВГУСТ. Нет. Это было украдено и поэтому не считается. Я хочу сказать что-то своё.

ЮЛЯ. О кей. Но ты должен сделать так, как сейчас, - так вот задумчиво. Выглядит здорово.

АВГУСТ. Что-то надо сделать?

ЮЛЯ. Да. Это было ужасно достоверно, поверь мне.

АВГУСТ. Ты считаешь, мне надо чего-нибудь симитировать?

ЮЛЯ. Так получается.

АВГУСТ. Чтобы достоверно было?

ЮЛЯ. Так получается, если смотреть отсюда.

АВГУСТ. Правда?

ЮЛЯ. Ну, я ж говорю.

АВГУСТ. И я должен имитировать?

ЮЛЯ. Если это была имитация, то да, надо.

АВГУСТ. Она и была. Я симитировал от и до.

ЮЛЯ. А выглядело естественно.

АВГУСТ. Но если это... Это была имитация!

ЮЛЯ. Ну и что? Имитация, очевидно, не всегда имитация. Имитация может быть иногда абсолютно естественной.

АВГУСТ. Имитация, естественной?

ЮЛЯ. Да. Имитация - это только то, что **ничто**. Тогда да.

АВГУСТ. И это ты говоришь.

ЮЛЯ. Это я говорю

АВГУСТ. Имитация - это только то, что **ничто**.

ЮЛЯ. Да.

АВГУСТ. Но ведь **ничто** - оно же совсем ничто.

ЮЛЯ. Да.

АВГУСТ. Значит, ничто - имитация?

ЮЛЯ. Да.

АВГУСТ. Значит, всё тут надо было бы принимать всерьёз? Вдруг?

ЮЛЯ. Так получается. *(Смеётся.)*

АВГУСТ. Ты шутишь?

ЮЛЯ. Нет. Как раз сейчас нет. Сейчас нет. *(Смеётся.)*

АВГУСТ. Тут всё всерьёз?

ЮЛЯ. Ты дрожишь.

АВГУСТ. Да. Мне страшно.

ЮЛЯ. Из-за чего?

АВГУСТ. Из-за будущего.

ЮЛЯ. Какого будущего?

АВГУСТ. Моего будущего. Не знаю. Моё будущее никогда прежде не создавало мне страхов, потому что я знал: в любой момент я могу покончить с собой. Понимаешь? Но теперь...

ЮЛЯ. Теперь?

АВГУСТ. Я вдруг больше не уверен... что смогу убить себя. Понимаешь?

ЮЛЯ. Давай.

АВГУСТ. О кей.

*Работает камера.*

Привет, народ. Я сегодня тут, в Норвегии. Сказал, что отправляюсь на выходные к Матэсу. Но это - неправда. Вы бы меня непустили. Поэтому всё и наврал. Юля оплатила мой перелёт. Вот. И оно того стоило. Это значит: сейчас мы спрыгнем туда вниз... То есть я хочу сказать, почему мы вообще здесь - чтобы уйти. Но и вообще, очень даже стоило, потому как это недолгое время здесь было просто замечательное. Словом, здесь я почувствовал себя по-настоящему живым, вообще-то. И вообще-то, впервые в жизни, наверное. Вчера ночью мы увидели Северное сияние. И засняли. Можете посмотреть. Это было прекрасно - мощный свет. Почти всё небо было охвачено. Я думал о вас, в том числе, почему вы этого сияния не видите, дома, хоть оно и огромно. Дело в том, что на видео оно выглядит меньше и темнее. Словно сквозь некий туман. Такое надо видеть собственными глазами. Могу только посоветовать. Мы стояли там совсем обалдевшие. Вот. Вам тоже надо как-нибудь увидеть. Но Юля говорит: это бывает очень редко. Вот. Ну и... Юля - это друг. Юля. Я... Она... В общем, я... собственно говоря... да. В общем, я хотел... Вообще-то я хотел сказать вам, почему я это делаю, то, что сейчас сделаю, но... честно говоря, теперь уж и сам даже не знаю. Понятия не имею. К сожалению.

*Стоп-камера.*

АВГУСТ. А ты знаешь?

ЮЛЯ. Нет.

АВГУСТ. Ну, тогда конечно.

ЮЛЯ. Ага.

АВГУСТ. Погоди.

*Август складывает все видеокассеты в сумку и идёт к обрыву. Юля рядом с ним. Они переглядываются. Август швыряет сумку вниз. Оба глядят ей вслед.*

ЮЛЯ. Зацепилась и повисла.

АВГУСТ. Могло случиться, что и нас постигло бы такое же счастье, от которого мы не так быстро пришли бы в себя.

ЮЛЯ. Давай уйдём отсюда.

АВГУСТ. Давай.

*Свет.*

**Конец.**